

«КЛАСС-КОНЦЕРТ»

ОДНА из последних работ Большого театра носит скромное название «Класс-концерт». Судя по названию, можно было думать, что задача балетмейстера А. Мессерера — показать зрителю последовательность классического урока, придав ему форму своеобразного пластического концерта, где один номер следует за другим без особой внутренней связи. На самом деле новый балет ГАБТа оказался много значительнее.

Прежде всего в нем как раз нет сухости отвлеченного экзерсиса и бессвязности «хореографического концерта». Мы увидели произведение цельное, со своей экспозицией, развитием, кульминацией и финалом, произведение, где один из самых блестящих танцовщиков и педагогов современности убедительно раскрывает принципы советской хореографической школы. Именно эта художественная принципиальность и заставляет так серьезно отнестись к этому маленькому бессюжетному балету. И хотя в балете, паритурой которого составлена из произведений А. Глазунова, К. Лядова, С. Ляпунова, А. Рубинштейна, Д. Шостаковича, казалось бы, не может быть цельной музыкальной драматургии, Мессерер находит здесь тему и уверенно строит своеобразную драматургию балета.

Интерес к искусству классического балета в нашей стране велик необычайно. У нас пишутся книги, статьи, читаются лекции, объясняющие его смысл и эстетическую природу. Но этот маленький новый балет лучше всяких лекций и книг за какие-нибудь 20 минут дает возможность ощутить подлинную красоту хореографического искусства и приблизиться к постижению основных его законов. Здесь нет определенного сюжета, но постижение законов пластической и музыкальной гармонии — разве это не высокая и серьезная тема? А воспитание вкуса зрителей, понимания непреложных законов прекрасного — разве это не достойная цель спектакля?

А. Мессерер использует не только широкие, благородные линии адажио, но и сложные, блестящие и виртуозные движения. Но использует он их совсем не в тех

неожиданных, вызывающе парадоксальных сочетаниях и комбинациях, какие мы часто видим у западных балетмейстеров. Любые, самые эффектные и технически трудные движения здесь всегда — логическая необходимость, естественная вершина хореографической фразы, пластического рисунка: ни одно движение «не подается» отдельно, все сочетается и соразмеряется, притом с безошибочным чувством гармонии. Балетмейстер поражает не только и не столько своим знанием самых разнообразных приемов и движений классического танца, сколько умением их логически использовать, развивать и сочетать. Безупречная музыкальная и пластическая логика — вот одно из основных достоинств работы Мессерера.

Именно здесь и кроется то принципиальное, что заложено в этом балете. За последнее время мы видели много произведений западных балетмейстеров, но в большинстве случаев их творчество при всем мастерстве и изощренности — это искусство острейших пластических диссонансов. Их описи кажутся то трагической, то скептической деформацией классического танца. Советский же балетмейстер прежде всего утверждает жизнерадостную гармоничность этого искусства. Вот почему в самих формах и линиях его балета есть светлое, ясное содержание. Хореографическое искусство здесь — выражение гармонии и красоты жизни, и оно невольно спорит с гротесковыми, трагически изломанными и разорванными линиями и формами многих западных балетов.

Успех «Класс-концерта» во время недавних гастролей Большого театра за рубежом был поистине триумфальным. На Западе сейчас немало балетмейстеров и педагогов, всячески рекламирующих свое знание русской школы классического танца. Но знать те или иные движения и технические приемы — еще не означает постижения самих идейно-художественных основ школы, ее принципов и существа. И «Класс-концерт» утвердил эти принципы, наглядно и поэтически воспевав саму сущность русской хореографической школы.

Спектакль основан на последовательной пластической драматургии. С открытием занавеса мы видим совсем маленьких хрупких девочек и мальчиков, старательно и трепетно проделывающих еще несложные движения классического экзерсиса (без всякого, впрочем, расчета на обычное умиление зрителей). Детей сменяют юные танцовщики и танцовщицы, затем — уверенные мастера-виртуозы. Перед нами разворачивается увлекательный рассказ о том, как крепнет, развивается, становится прекрасным человеческое тело, как робкие, неуверенные шаги новичков в искусстве становятся гордым, сверкающим полетом виртуозов — подлинных артистов в своем деле, как усилия ведут к свободе, как упорный труд оборачивается вдохновенной радостью творчества.

Значение нового балета еще и в том, что он показал огромные и далеко не использованные возможности труппы Большого театра. Спектакль превратился в праздничный парад талантов, где танцевальная насыщенность каждого сценического мгновения позволяет наиболее полно раскрыть артистическое обаяние каждого исполнителя: масштабность, широту и богатство танца Е. Рябинкиной, сверкающую виртуозность, изящество Е. Максимовой, уверенную четкость и силу М. Самохваловой, классическую точность М. Смирновой, мужественность, патику полетов М. Лиеня и В. Тихонова, классическую мягкость, элегантность В. Хохлова, героическую порывистость М. Лавровского, легкость и чистоту танца В. Николаева.

Художник В. Рындин предельно лаконичными средствами создает ощущение как бы сменяемых, залитых солнцем залов.

И, вспоминая об этом маленьком произведении, невольно думаешь: как было бы хорошо, если бы эти блистательно утвержденные принципы русской хореографии всегда служили основой для больших, масштабных спектаклей, значительных и полнокровных танцевальных образов...

Н. ЭЛЬЯШ.

Сов. музыкальный, 1963 14 мая